

© 2005 г.

В.Ф. КОЛОМИЙЦЕВ

К ДВУХСОТЛЕТИЮ ТОКВИЛЯ - СОЦИОЛОГА И ПОЛИТОЛОГА, ЛИБЕРАЛА И КОНСЕРВАТОРА

КОЛОМИЙЦЕВ Валентин Федорович - доктор исторических наук, профессор Москов-

Имя Алексиса де Токвиля (1805—1859) в нашей стране вошло в читаемые для студентов обществоведов к его творчеству свидетельствует выход за последнее десятилетие нескольких переизданий его главного произведения *"Демократия в Америке"*, которое не без оснований рассматривается многими авторами как образец конкретного политико-социологического исследования.

Выходец из аристократической семьи, граф Токвиль не имел оснований восторгаться Великой французской революцией: его мать и отец несколько лет провели в тюрьме (их спасли от эшафота события 9 термидора), а многие родственники были казнены [1, с. 263]. Прадед Токвиля по материнской линии защищал перед Конвентом французского короля, и в итоге революционный народ отправил адвоката на гильотину вслед за подзащитным. Во время учебы на юридическом факультете Сорбонны молодой граф во многом соглашался с идеями историка, а впоследствии видного государственного деятеля Ф. Гизо, стремившегося доказать, что ход истории неотвратимо ведет во Франции к триумфу среднего класса. Однако монархисты в тот период продолжали сохранять значительное влияние в обществе. Король Луи Филипп благодаря поддержке финансовой аристократии оставался у власти. В принятой в 1830 г. Палатой депутатов Конституционной хартии указывалось, что "всякое правосудие исходит от короля" [2]. Если в первые годы Июльской монархии число представителей от промышленников в Палате депутатов было близким к половине ее состава, то к середине 1847 г. оно сократилось до одной трети [3, с. 226].

После окончания Парижского университета Токвиль стал помощником судьи. Некоторое время он работал в министерстве внутренних дел, но карьера чиновника его, очевидно, не очень привлекала. Руководство удовлетворило его просьбу о командировании в 1831-1832 гг. в США для изучения условий содержания заключенных в американских тюрьмах, поскольку в

исправительных учреждениях Франции в то время происходили изменения. Спустя несколько лет вышло его сочинение *"Демократия в Америке"*, которое сразу же принесло ему европейскую, а затем и мировую известность. Только к 1850 г. книга выдержала 13 французских изданий и была переведена на все европейские языки [4]. Действительно, ее значение вышло далеко за пределы путевых впечатлений от Нового Света. Это был одновременно исторический, политологический и социологический труд, написанный к тому же в великолепной публицистической форме.

Нельзя оценить в полной мере книгу французского мыслителя без учета того обстоятельства, что в первой половине XIX в. в странах Европы почти повсюду сохранялись монархические режимы. Республика существовала только в Швейцарии. За свою работу о демократии в Америке, дополненную в 1840 г. еще одной частью, Токвиль в возрасте 36 лет был избран членом Французской академии наук. За объективность подхода его считали своим единомышленником люди различной политической ориентации - монархисты, клерикалы, республиканцы, либералы, консерваторы [5].

Почему Токвилю заинтересовала именно Америка? Он писал: "В Америке сам воздух проникнут духом демократии" [5, с. 145]. В то время как в Европе силы абсолютизма еще серьезно препятствовали социально-экономическим переменам, непреодолимая тяга к иной жизни побудила энергичных и трудолюбивых европейских переселенцев пересечь океан и построить новую жизнь на другом континенте. Космополитическая по своей философии и идеологии общность американцев (их главным кредо была свобода) поставила во главу угла деловую активность и процветание. Если европейские народы прошли долгий путь развития от варварства к просвещению, то в Соединенных Штатах общество не переживало младенческой поры, а сразу оказалось в зрелой стадии. Воображение автора поразило тот факт, что американские земледельцы-первопроходцы держали в руках томик Шекспира,

Демократические идеи быстро овладевали американским обществом. В этой стране не было феодального и монархического деспотизма (рабство в южных штатах Токвиль обошел стороной). После войны за независимость Североамериканских Штатов буржуазии не пришлось оспаривать власть у аристократии. Америку создал определенный сорт людей, которым нельзя было отказать в наличии двух качеств; мужества и жажды деятельности.

Центральная идея Токвиля состояла в том, что торжество демократии - "неодолимый процесс". Пытливый исследователь писал, "Я твердо придерживаюсь того мнения, что демократическая революция, свидетелями которой мы являемся, - факт неопровержимый и что сражаться против нее бесполезно и глупо..." [6, с. 317].

Классовый антагонизм в этой стране в XIX в. ослаблялся тем, что недовольные своим социальным положением элементы уходили на Запад на "свободные" земли, в то время как в Европе в критических ситуациях разгорались социальные конфликты. Демократическая система распределения земельной собственности поощряла не только личную независимость и индивидуализм, но и оспаривание власти и иерархии, образовавшие основу духа "американской исключительности". Отсутствие пережитков феодализма позволило Соединенным Штатам продемонстрировать образцы демократических идеалов и ценностей - широкие гражданские права и свободы, развитие местного самоуправления, приоритет личности по отношению к государству и т.д. По словам Д. Белла, уникальность Америки определяется тем, что там изначально гражданское общество доминировало над государством [6].

В американском обществе Токвилю больше всего поразило дух равенства и свободы. Он пришел к выводу, что "истинными причинами свободы, которой пользуется американская демократия, служат хорошие законы, а в еще большей мере нравы" [5, с. 231-233]. Если закон позволяет американцам делать все, что заблагорассудится, то религия ставит заслон многим замыслам и деяниям.

Описание французским ученым "национального духа" американцев соответствует современному понятию политической культуры и общественной психологии народов и социальных групп. Исследователь отмечал, что "в американском обществе не заметно ни фамильного, ни сословного влияния, здесь даже очень редко случается, чтобы какая-то отдельная личность имела вес в обществе долгое время" [5, с. 60-61]. По его словам, в Америке люди имеют не только одинаковые состояния; они до известной степени равны и в своем интеллектуальном развитии... в Америке большинство ныне богатых людей были когда-то бедными; практически все, кто сейчас бездельничает, в юности трудились не покладая рук" [5, с. 60].

Французский мыслитель подметил примечательный для американцев культ собственности и политическую стабильность общества благодаря значительным размерам "среднего класса". "Люди, - писал он, - живущие в демократических обществах, не только не имеют естест-

венного желания совершать революции, но и опасаются их... Если мы внимательно рассмотрим классы, составляющие современное общество, то без труда поймем, что ни один из них не обнаруживает столь упорного и цепкого чувства собственности, как средний класс" [5, с. 460].

В американцах, указывал французский мыслитель, необычайно развит дух инициативы и предприимчивости. Он указал на некоторые черты гражданского общества - предмет изучения многих философов, социологов, политологов и юристов. "В демократических странах, - писал он, - умение создавать объединения - первооснова общественной жизни; прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области" [5, с. 381].

Пример Америки в этом отношении он считал образцовым: "Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовать производства, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света" [5, с. 378].

Токвиль уловил высвобождение гражданского общества из-под опеки государства (в данном отношении эта страна намного опередила страны европейского континента). Французский ученый высоко оценивал реализованный в США механизм децентрализации и разделения властей, выделяя при этом роль судебной системы, Верховного Суда и американской конституции в соблюдении прав граждан. Он обратил внимание и на то, что "в Соединенных Штатах государственные чиновники ничем не выделяются среди других граждан страны; у них нет ни дворцов, ни охраны, ни особой парадной одежды" [5, с. 165]. Местное самоуправление составляет основу американской демократии, ибо каждый поселок представляет собой своего рода республику, привыкшую управлять своими делами самостоятельно. Широкою местную демократию американцы называют федерализмом.

Французский социолог подметил также недостатки американской демократии. Он справедливо указал на то, что толпе недостает умения выбирать средства при искреннем желании добиться цели. Толпа нетерпелива, "ей всегда необходимо, чтобы решения выносились быстро, а поставленная цель была бы очень конкретна" [5, с. 161]. Творцы американской конституции с помощью "сдержек и противовесов" сделали все, чтобы не допустить диктатуру большинства.

К недостаткам демократии Токвиль относил сложность принятия государственных решений, длительность обсуждения того или иного вопроса, индивидуализм, склонность американцев замыкаться в кругу семьи и друзей с тем, чтобы, сформировав так близкий себе мир, отгородиться от общества. По его словам, индивидуализм "ослабляет добродетельность общественной жизни" и становится "трудно выгнать человека из его собственного узкого круга, чтобы заинтересовать его судьбой государства" [8, с. 66]. В этом состоянии, как отметил американский историк А. Шлезингер-младший, Токвиль отвергает одну из основополагающих ценностей либеральной демократии - индивидуализм. Между тем "твердый индивидуализм" и сейчас остается одним из основных принципов доктрины Республиканской партии США. Беспокойство французского социолога вызывали долгосрочные последствия узкого понимания американцами принципа личной заинтересованности. "Признаюсь, - писал он, - меня страшит, как бы они, в конце концов, не замкнулись в этой мелкой цели" [8, с. 69]. Отмеченная Токвилем особенность американского менталитета заключается в выделении практической стороны дела, что впоследствии способствовало возникновению философии прагматизма. Об этом он пишет: "В Америке чисто практическая наука развита великолепно. Здесь заботливо относятся и к тем разделам теории, которые насущно необходимы для практического применения, - в данных отношениях американцы всегда демонстрируют мышление ясное, свободное, оригинальное и плодотворное; однако в Соединенных Штатах почти невозможно найти человека, посвятившего себя занятиям фундаментальными и абстрактными разделами человеческого знания" [9, с. 340].

Впоследствии немало число американских социологов высказывали в адрес Токвиля критические замечания в том плане, что, констатируя наличие в США большего общественного равенства, чем где бы то ни было в его время, он ошибочно оценил тенденцию ее будущего развития. Концентрация финансовых капиталов в Америке противоречит его прогнозам в отношении неотвратимости эгалитарного процесса [10].

Был ли Токвиль беспристрастным наблюдателем и всегда ли он следовал требованию научной объективности? Современные исследователи его творчества отмечают, в частности,

что он прошел мимо проблемы рабства. Об этом постыдном для Америки середины XIX в. явлении он в книге обмолвился только одной фразой: "На юге Соединенных Штатов существует рабство. Поэтому все то, о чем я говорил, к Югу не имеет отношения" [9, с. 420].

Книга Токвиля - не только об Америке. Во второй ее части, вышедшей в 1840 г. и во многом основывавшейся на французском материале, обсуждалась общая проблема влияния равенства на общественный строй. Принцип Свободы Токвиль, безусловно, ставил выше принципа Равенства. Аристократия знала свободу для немногих. Но возможна ли свобода для всех? Французский социолог ответил на него с позиций классического буржуазного либерализма: условием всеобщей свободы является равенство в правах на участие в политических выборах. Другого равенства он не признавал. Ему, в частности, импонировал тот факт, что в Америке хотя и действовал закон о наследии, устанавливавший равный раздел имущества (как и во Франции и в России, но не в Англии), наличие громадной неосвоенной земли остановило дробление собственности. Освоенные владения передавались старшему сыну, а младшие сыновья направлялись искать счастья на Запад.

Токвиля нельзя назвать восторженным певцом демократии, во-первых, потому что он сам представлял аристократию, достоинства которой он никогда не умалял, а во-вторых, он, видимо, разделял мнение Ф. Гизо, говорившего, что демократия нужна только голодным, ибо сытые счастливы независимо от политического режима.

Заголовок анализируемой нами работы Токвиля в ее русском издании оказался переведен не вполне точно. Он начинается с именной предложной конструкции (*De la Democratie en Amerique*) чему соответствует перевод "О демократии в Америке". Такой перевод отвечает также общему содержанию книги, поскольку в ней речь идет не о простом описании политических институтов США, которые для Токвиля выступают поводом высказать читателю некоторые идеи об американском обществе и о демократии. Политическое мышление Токвиля развивалось под влиянием не только либеральных, но и консервативных концепций, что было вполне логично. К моменту написания его книги (1835 г.) доктрина либерализма еще не приняла современные очертания. Термин "демократия" в те годы не употреблялся в данном контексте буржуазными идеологами, ибо он тогда, по сути, означал для них то же, что и слово "социализм". Для сравнения приведем другой пример: во Франции в XIX в. республиканцев - противников монархии часто именовали "радикалами". Лишь в XX в. термин "демократия" вошел в идеологический арсенал либерализма.

Токвиль чувствовал грядущие общественные перемены в Европе и Америке в связи с развитием промышленной революции. Глубоким социологическим наблюдением ученого было его высказывание о том, что революция совершается не тогда, когда массам живется очень плохо, а когда их ожидания перемен не находят удовлетворения [11]. Следует отметить, что в 1835 г. Токвиль предсказывал, что судьбы человечества будут решаться Соединенными Штатами и Россией, тогда как Гегель в своей "Философии истории" не усмотрел за этими народами никакой исторической перспективы [12].

Токвиль был свидетелем и участником событий, связанных с революцией 1848 г. во Франции. В парламентской речи 27 января 1848 г. он предсказал предстоящий революционный взрыв за месяц до его начала: "Я глубоко, господа, убежден, сегодня мы стоим на вулкане.... Разве вы не ощущаете чисто интуитивно, как дрожит земля в Европе? Разве вы не чувствуете, так сказать, дуновение ветра революций?" [9, с. 523, 526].

Летом 1848 г. как член комиссии по выработке новой конституции Франции, Токвиль предложил установить тот же, что и в Америке, порядок избрания президента республики - общенародным голосованием по двухступенчатой системе, а в случае, если никто не наберёт абсолютного большинства голосов, то вотумом Национального собрания.

Государственный переворот, совершенный 2 декабря 1851 г. Луи Бонапартом, привел к отставке Токвиля со всех постов (в течение шести месяцев, он был министром иностранных дел) и даже к его тюремному заключению после того, как он отказался присягнуть на верность новой власти. Вернувшись к научным исследованиям, он опубликовал в 1856 г. новый труд: "*Старый порядок и революция*".

Это была не история Великой французской революции, а рассуждения о ней с позиций консервативного мыслителя. Токвиль солидаризируется с Э. Бёрком и Ж. де Местром. В этом произведении, как писал французский историк Ж. Лефевр, он старался показать преемственность и эволюционный характер исторического процесса, что в какой-то мере реабилитировало дореволюционные порядки [13].

Идея-фикс Токвиля сводилась к тому, что революция "внесла гораздо меньше новшеств, чем это обычно полагают" [14, с. 23]. По его словам, французы "заимствовали у старого по-

рядка большинство чувств, привычек, даже идей, с помощью которых и совершили Революцию, разрушившую старый порядок" [14, с. 3]. Не только аристократизм Токвиля определял его сдержанно-негативное восприятие Великой французской революции. Такое же отношение было и у основателя социологии О. Конта. Официальное празднование дня взятия Бастилии 14 июля началось во Франции лишь спустя столетие, а через два столетия так же официально в Париже было заявлено, что "эта революция закончилась". Певец свободы Токвиль не приемлет тот новый деспотизм, за которым скрывается "желание обогатиться любой ценой, вкус к деловым операциям. Стремление к получению барыша, беспрепятственная погоня за благополучием и наслаждением..." [14, с. 8].

Что же было хорошего при старом порядке? Это административная цивилизация, иерархия, сохраняющая аристократию; устойчивая политическая власть и церковь. Даже французский крестьянин уже был собственником земли [14, с. 27].

Прибегая к высокой риторике, Токвиль относит причины революции к национальному характеру французов; "Существовал ли когда-либо на земле народ, чьи действия до такой степени были полны противоречий и крайностей, народ более руководствующийся чувствами, чем принципами, и в силу этого всегда поступающий вопреки ожиданиям, то опускаясь ниже среднего уровня, достигнутого человечеством, то возносясь высоко над ним" [14, с. 166].

В середине ХОС в. консерватизм Берка и де Местра стал утрачивать динамизм в аристократических кругах. Поиск общественного идеала в прошлом, защита крупного наследственного землевладения и сословных привилегий уже не могли отвечать дуге новой эпохи развития промышленности, расширения прав парламентов и укрепления национальных государств. Консервативной идеологии следовало приспособиться к переменам, а практически осознать необходимость заимствования ряда либеральных идей. Эту миссию взял на себя Токвиль.

Именно он лучше всех других аристократов осознал невозможность возвращения прошлого. Для адаптации консерватизма к условиям нового времени он взял из арсенала либералов идею "Свободы" как высшей цели общественного устройства и добавил к ней понятие "Ответственности", а последнее всегда со времён Платона и Аристотеля приписывалось к добродетелям аристократии.

Одновременно Токвиль доказывал несовместимость идеи "Свободы" с концепциями "Равенства" и "Этагизма" (возрастающей роли государства). В какой-то мере французскому мыслителю удалось содействовать превращению консерватизма из идеологии, направленной на защиту прошлого, в политическую теорию, предлагающую альтернативный либерализму общественный идеал. Алексис де Токвиль занял уникальное место у истоков современной социологии и политологии. Глубина размышлений ставит его в один ряд со многими другими выдающимися мыслителями XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Пийо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М., 1961, с.141.
3. История Франции в трех томах / отв. ред. А.З. Манфред. Т. 2. М.: Наука, 1973.
4. Kohl H. The American Spirit in Europe: a Surrey of Transatlantic Influence. - Philadelphia, 1949. P. 35.
5. Philip L. Histoire de la pensee politique en France (de 1789 a nos jours). Paris, 1993, p. 110.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
7. Beÿ D. American Exceptionalism Revisited; the Role of Civil society // "The Public Interest", spring 1969. № 95.
8. Цит. по: Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М.; 1992.
9. Токвиль А. Де. Демократия в Америке. М.: "Весь мир", 2000.
10. Birnbaum P. Sociologie de Tocqueville. Paris, 1870, p. 140-142.
11. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979, с. 42-43.
12. Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 8, М.-Л., 1935, с. 97.
13. Le Febvre G. Reflexions sur l'histoire. Paris, 1978, p. 136.
14. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.